

Сергей Рубцов

Пятая реальность

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Рубцов

Пятая реальность

<https://litres.ru/74685529>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если тебя судят за преступления, которых ты не помнишь и не совершал? Органы межвременной коррекции утверждают: время — это единая ось, а ты — опасный деструктивный элемент, который в каждой из прошлых жизней создавал смертоносное биологическое оружие. Тебя переписывали четыре раза, лишая карьеры ученого, любви и перспектив, превратив в обычного курьера. Но маховик запущен снова. Теперь Роберту грозит расщепление — абсолютное стирание из ткани вселенной. Пытаясь спастись и защитить хрупкое прошлое своей семьи, он решает пойти наперекор безжалостным законам хронологии. Сможет ли обычный человек переиграть систему, изолированную вне времени, и разорвать замкнутый круг катастроф?

Сергей Рубцов

Пятая реальность

«Ночь? Когда она наступила?» — занервничал Роберт.

Часы показывали двенадцать, хотя еще мгновение назад их стрелки стояли на девяти, и в запасе оставалось полно времени.

«Как это случилось? Простая невнимательность? Нет, невозможно не заметить, как прошло три часа. Что же тогда? Болезнь? Может, Альцгеймер? Или деменция? Похоже, действительно пришло время сходить к врачу».

Подобные провалы сознания уже происходили раньше. Первый случился четыре недели назад, по пути домой. Проехать нужно было всего три остановки на электричке, поэтому не было смысла пробираться в середину вагона, и Роб встал у дверей. Закрыв глаза от слепящего через окно яркого солнца, он погрузился в свои мысли на эти недолгие десять минут и начал отсчитывать остановки:

— Первая, вторая, третья.

Выйдя из электрички, он застыл, как вкопанный, на темной платформе и долго не мог понять, что произошло. Это была конечная станция поезда, далеко за городом. До нее было около трех с половиной часов в пути.

«Я точно не спал в дороге, — с растерянным видом думал Роб, озираясь по сторонам. — Как теперь добираться до-

мой?»

Поезд в обратном направлении должен был отправиться только через час, судя по расписанию, да и дома он окажется далеко за полночь, а такси обойдется в увесистую копеечку. Постояв еще минут десять в глубоких раздумьях, Роб все же вызвал такси. Сидя на заднем сиденье, он еще какое-то время пытался понять, как такое могло произойти, но, не найдя логичного объяснения, решил просто об этом больше не думать.

Второй провал случился уже через несколько дней после первого. В этот раз он гулял по парку в выходной день, и никаких серьезных последствий это не вызвало. Единственное неудобство доставила вечерняя прохлада, к которой Роб оказался совершенно не готов. Когда он выходил из дома, на улице светило теплое весеннее солнце, и достаточно было надеть шорты и майку. Но для вечерней прогулки требовались более теплые вещи, которые Роб не стал брать, рассчитывая вернуться домой до заката. Именно этот случай заставил его переживать о своем здоровье.

Третий раз произошел на работе, когда Роб ехал отдавать заказ из интернет-магазина. Доставка была назначена на половину двенадцатого, и Роб вышел из офиса в девять часов. Он присел на остановке в ожидании автобуса и посмотрел на часы. Ему хотелось убедиться, что у него в запасе полно времени и можно сильно не торопиться. Однако увиденное на циферблате привело его в глубокое отчаяние, смешанное

со смятением и негодованием. Электронный дисплей ярким красным цветом показывал: 15:25. Он опоздал на четыре часа.

Как и следовало ожидать, начальника не убедили невнятные объяснения Роба о том, что он и сам не понял, как это вышло, что он отправился выполнять заказ заранее, никуда не заходил по пути и так далее. Ответ руководства был предельно простым — в этом месяце никакой премии, плюс дополнительная смена в качестве отработки. Масла в огонь подлил клиент, который успел накатать официальную жалобу в компанию. Там он подробно описал, что курьер не отвечал на звонки, сильно опоздал, ну и в довесок придумал историю о хамском поведении Роба при встрече, что на самом деле не соответствовало действительности.

Вспоминая все эти случаи, Роб пришел к выводу, что сегодняшний провал оказался самым безобидным, поскольку произошел дома и максимум, на что он повлияет, — это продолжительность сна.

Он сидел за столом и старался как можно скорее доесть свой скромный ужин, состоявший из сэндвича, купленного в магазине по акции, и чашки чая, уже успевшей остыть за несколько потерянных часов. Вкус этого кулинарного шедевра из хлеба и ветчины в достаточной мере объяснял его низкую стоимость, а чай с последним кубиком сахара только усиливал впечатление.

Вдобавок ко всему, как будто этого унылого перекуса бы-

ло недостаточно, чтобы малодушно не возненавидеть вечер, его каждый раз разбирала злость, когда он переводил взгляд от сэндвича на стену. С этой вертикальной поверхности, на которой уже не в силах были удерживаться светло-зеленые обои, поклеенные лет пятнадцать назад, на него смотрел хладнокровным взором циферблат часов, монотонно и с офицерской выдержкой передвигающий секундную стрелку. А вслед за ней с подлой осторожностью медленно ползла и минутная.

Как же Роб был зол на эти стрелки, которые всегда идут то невероятно быстро, то бесконечно медленно! *«Хотя в последнее время, надо отдать им должное, они обрели какое-то подобие стабильности, —* подумал он, *— и начали двигаться только быстрее, будь они неладны».* Конечно, для него проще всего было списать этот парадокс на причудливые виражи своего восприятия мира, но в его голове никак не утихала мысль о том, что абсолютно все люди замечают, как время течет с разной скоростью, но по своему обыкновению списывают это на увлеченность делами или отсутствием таковых.

Тяжело поверить, что ни один человек во всем мире, сталкиваясь множество раз за всю жизнь с неравномерностью течения времени, не воспринял это всерьез. Столько светлых умов работают в области квантовой физики, гравитационных полей и прочей ерунды, — и нет никого, кто бы решил изучить данный феномен хотя бы поверхностно. Даже бри-

танские ученые упустили такую занимательную тему из своего поля зрения. За что им только деньги платят?

Основной причиной, по которой Роб так злился на время, была необходимость идти на работу к семи утра. Конечно, за два года на должности курьера он понемногу приучил себя к какому-никакому распорядку дня, в который входили ужин, просмотр телевизора, водные процедуры раза три в неделю и отход ко сну не позже одиннадцати вечера. Но сегодня из-за плохого чувства юмора у времени он пропустил момент, когда нужно было лечь спать, и поэтому завтрашний подъем в пять утра для него будет очень мучительным.

И если бы только этим все ограничивалось.

Последний месяц или полтора ему снились сны — жестокие и бесконечно реальные. Они мучили его, не давали как следует выспаться. За ночь он мог проснуться раз десять, подскакивая в холодном поту, и потом долго ворочался в постели, пытаясь снова заснуть. От увиденного сердце начинало бешено колотиться, а к горлу подступал липкий ужас.

— Ввести экспериментальную сыворотку номер тридцать два пятерым объектам, — не отрывая глаз от микроскопа, сказал человек в белом халате, обращаясь к своему помощнику твердым, но заметно уставшим тоном.

— Простите, сэр, — дрогнувшим голосом отозвался из другого конца лаборатории молодой человек. — Но к предстоящему эксперименту не успели доставить новую партию подопытных объектов, и на данный момент у нас в распоря-

жении только двое.

Молодой ассистент худощавого телосложения, в больших очках с круглой оправой и немного засаленными волосами, заметно напрягся, отвечая своему начальнику. Он уже несколько раз подряд не справлялся с поставленными перед ним задачами и чувствовал, что кредит доверия к нему как к работнику лаборатории постепенно движется к отрицательному значению. Наличие подопытных образцов, инструментов для проведения опытов и их стерильность — вот была та малая зона его ответственности, которую ему поручили, но даже с таким объемом работы он частенько умудрялся не справиться.

Однако стоит отдать ему должное: он был очень сообразителен в области биологии, о чем свидетельствовал красный диплом и личный опыт руководителя проекта. Несколько раз его скромные вопросы, заданные из простого любопытства, заставили начальника лаборатории пересмотреть подход к работе и достичь нужного результата. Собственно, только благодаря своим мозгам и природному любопытству он и не был уволен в первый же месяц своей стажировки.

— Тогда я не понимаю, почему вы все еще здесь и не пытаетесь исправить свою оплошность, — отведя наконец взгляд от линз микроскопа и с нескрываемым недовольством сказал человек в белом халате.

— Я понял, сэр. Сейчас доставят двоих, и я займусь поиском новой партии.

Молодой человек быстро, почти бегом, покинул кабинет и оставил начальника лаборатории наедине со своими мыслями.

Яркий, холодный свет от люминесцентных ламп, освещавших лабораторию, уже давно перестал слепить глаза, а запах химических реагентов, необходимых для опытов, стал таким же родным, как воздух.

Человек в белом халате закурил сигарету, откинулся на спинку кресла и стал ждать подопытных. Сколько суток он уже провел в этой лаборатории, а может, уже и недель? Все перемешалось в один нескончаемый день с короткими перерывами на сон.

«В следующий раз обязательно получится, — думал он. — в этот раз формула точно работает».

В его руке сверкала стеклянная пробирка, отражая искусственный свет ламп, а жидкость внутри нее была абсолютно бесцветной и не имела запаха. Она являлась итогом всех его жизненных стремлений и желаний, и к тому же была оправданием всех принесенных им жертв, в том числе и личных. Невероятная мощь и власть над всем миром. Вирус. Абсолютно новый, не имеющий аналогов в природе. Убийца, тихий и хладнокровный. Он мутировал каждую секунду, не давая возможности найти вакцину против него. Каждый новый штамм был агрессивнее предыдущего и уничтожал уже не только иммунную систему носителя, но и прошлую версию самого себя. Бесконечно голодный и абсолютно неуязвимый.

Предыдущие образцы были неудачными. В конечном итоге иммунная система носителей хоть и не справлялась с безжалостным захватчиком, но реакция была ярко выраженной. Расслабление сфинктеров организма, рвота, сильный жар и сопутствующий тремор конечностей. Было видно, что борьба с вирусом идет, а значит, рано или поздно результат может оказаться не в его пользу.

«Нет, это было грубо и неэстетично, — рассуждал человек в белом халате. — Вирус должен быть благородным и действовать незаметно, уничтожая иммунную систему с аккуратностью хирурга и без ярко выраженной симптоматики. А самое главное — он должен быть быстрым. Благородный штамм должен справиться с задачей менее чем за трое суток».

Приблизительно минут через десять из глубины своих мыслей обратно в залитую холодным светом реальность его вернул зашедший в лабораторию ассистент, следом за которым вошли пара детей, подгоняемые людьми с оружием. Глядя на них, человек в белом халате улыбнулся, ведь он точно знал, что в этот раз вирус на сто процентов сработает как надо.

На часах было пять утра, когда сон Роба оборвался, и он подскочил с постели, ставшей мокрой от пота. Он никак не мог прийти в себя и отдышаться после увиденного, а сердце стремительно пыталось сломать ребра и выбраться наружу.

Все его кошмары были похожи друг на друга. Каждую

ночь он видел процесс создания нового вида биологического оружия и его тестирования на незащищенных людях. Иногда ему снились лишь последствия массового использования результатов этих экспериментов: темные и безмолвные улицы крупных городов, наполненные лежащими без движения людьми, предшествующая этому всеобщая паника и успокаивающие речи властей из телевизора о том, что вот-вот вакцина будет найдена. Даже после пробуждения пустота и холод опустошенных городов пробирались сквозь пелену сна в реальность и держали в своих липких объятиях весь день.

Тревожил еще и тот факт, что, хотя в каждом сне были разные ситуации, места и цели экспериментов, неизменной оставалась только одна деталь — тот самый человек в белом халате. Роб прекрасно понимал, что он всегда видит не разных ученых, а одного и того же мужчину. И хоть его сны были довольно реалистичными — даже слишком, по мнению самого Роба, — сквозь дымку снов было невозможно рассмотреть лицо этого злого доктора.

Немного отдышавшись, Роб посмотрел на часы. Оставалось двадцать минут до момента, когда должен был сработать будильник, и пытаться снова уснуть уже не было ни смысла, ни желания. В данной ситуации, рассудил Роб, логичнее встать и начать собираться на работу. Тем более что на сегодня поступило много заказов по доставке, и чем раньше он ими займется, тем быстрее сможет уйти с ненавистного склада и насладиться вечерним бездельем.

Однако уйти с работы пораньше у него так и не вышло. В этот день все клиенты, как сговорившись, всячески усложняли простой рабочий процесс и всеми возможными способами доводили Роба до бешенства. Одни утверждали, что он вор, потому что количество доставленных товаров не соответствовало тому, которое они заказали в интернет-магазине; кто-то по часу проверял товары, не отпуская его к следующему клиенту; другие вообще отсутствовали на месте в назначенное на доставку время, и приходилось к ним возвращаться с другого конца города.

Погода тоже оказалась не на стороне Роба в этот день. Она присоединилась ко всеобщему, негласно принятому решению максимально испортить ему настроение, и с середины дня начался проливной дождь. Выданный на работе для таких случаев дождевик безусловно выручал, но все его заслуги омрачали летние тряпичные кроссовки в мелкую сетку, которые Роб решил надеть, прикинув накануне вечером, сколько ему придется сегодня находиться на ногах. Сегодняшний день невероятным образом смог вобрать в себя абсолютно все существующие проблемы.

Возвращаясь обратно на склад за очередным заказом, Роб сидел в автобусе и смотрел в запотевшее окно. Сотни маленьких ручейков дождя быстро сползали вниз по стеклу, словно юркие мальки, уплывающие от упавшего в воду камня, а плотная стена воды, неожиданно для всех накрывшая весь город, накладывала черно-белый фильтр как на цвето-

вую палитру улиц, превращая все вокруг в рисунок серым карандашом, так и на его собственные мысли.

До этого момента его сны о конце человечества вызывали в нем чувства ужаса и страха, так как это шло вразрез с его жизненными убеждениями и принципами. Но сегодня, после накопившегося за весь день морального груза людского негатива, ставшего, пожалуй, последней каплей в море, из-за которой вода выходит из берегов, а также под давлением многолетней безысходности и глубокого отчаяния ввиду отсутствия каких-либо перспектив в жизни, он вдруг невольно осознал, что, пожалуй, с удовольствием повторил бы в реальности то, что делал каждую ночь человек из его снов.

К своим тридцати годам Робу не удалось добиться каких-либо достижений в жизни. Съёмное жильё в выдавшем виды доме, построенном ещё в прошлом веке, скудный оклад на работе, которого хватало только на еду и самое необходимое, а также отсутствие личной жизни. Одинокие вечерние прогулки по парку и лица в телевизоре, вечно спорящие, чья же страна лучше и кто во всем виноват, — вот все, что у него было в наличии, кроме работы. Подобный жизненный расклад перестал угнетать ещё к двадцати семи, и сейчас он жил словно по инерции, сравнивая себя в минуты вечерних раздумий с опавшим листом, плывущим по течению медленной реки.

Все школьные друзья гораздо реже стали приглашать его в гости на совместные посиделки. Ведь у них жизнь хоть и

не кипела, однако у них были семьи, интересная работа и занимательный отдых. В отличие от Роба, почти все его товарищи смогли себя реализовать и найти свое место в жизни, чему он в тайне даже для самого себя завидовал. А когда все же случались редкие встречи, им просто не о чем было поговорить, кроме банальных: «как жизнь», «что нового» и кто смотрел последний матч «Барселона» — «Аякс».

Когда рабочий день наконец-то закончился, Роб решил заглянуть в бар под названием «Бочка», который находился по пути домой. Хоть место было не особо людным — возможно, из-за отсутствия яркой вывески над входом или не сильно разнообразного меню, — однако цены на пиво и закуску в виде чипсов с гренками приятно радовали.

По той же причине, из-за которой хозяин бара хотел закрыть его, Робу оно как раз нравилось — это стабильно небольшое количество посетителей. В любой день, будь то праздники, выходные или спортивные мероприятия, можно было зайти, выбрать любой из нескольких незанятых столиков и надолго погрузиться в свои мысли, не опасаясь, что компания сильно подвыпивших весельчаков по соседству будет всячески нарушать хрупкое спокойствие и уединение.

Но даже здесь, чтобы максимально исключить нежелательные контакты с незнакомцами, Роб старался сесть подальше от всех — на свое любимое место в самом дальнем конце барной стойки, до которой еле доходил и без того приглушенный свет ламп.

Сегодня, пожалуй, первый раз за день ему повезло. Во-первых, из десяти столов был занят только один, а значит, если даже и произойдет чудо и сюда нахлынет народ, то к нему подсядут нескоро и ему хватит времени побыть наедине с собой. А во-вторых, все места за барной стойкой были абсолютно свободны, а значит, вечер полностью в его распоряжении.

— Здорово, Макс, — Роб поздоровался с барменом. — Налей мне как обычно пару светлого.

Бармен приветливо улыбнулся уголком рта, молча пожал ему руку и поставил первый пол-литровый стакан под кран с пивом. Пока он по очереди наполнял бокалы, Роб расположился на своем любимом месте, достал телефон и начал смотреть короткие видео на ютубе. Через несколько минут Макс поставил перед ним два бокала с золотистым напитком, и как только первая капля холодного пива коснулась его губ, на душе появилось долгожданное чувство морального облегчения и возникло ощущение, что все проблемы, случившиеся на работе за день, произошли не с ним, а с кем-то другим.

— Скучаешь, дружище? — спустя тридцать минут к Робу добродушным голосом обратился мужчина, присевший рядом за барной стойкой.

«Ну все, приплыли, чудесный вечер пушке под хвост», — подумал Роб, посмотрев на незнакомца. «Еще один экстра-верт, который ошибочно находится в полной уверенности,

что если видишь одинокого человека, то надо обязательно с ним провзаимодействовать, ведь твоего появления он ждет как второго пришествия, а его истории такие же желанные, как мамыны сказки в детстве перед сном».

— Да нет, все в порядке, — ответил наконец Роб с натянутой болезненной улыбкой после затянувшейся паузы, наполненной внутренней грустью о потерянном вечере.

«Что поделатъ, теперь придется напрячь все свои извилины и познания в психологии, чтобы максимально быстро и желательно с минимальной ответной реакцией прекратить разговор и аккуратно послать беспардонного типа по-дальше».

Это был человек крепкого телосложения, возраст которого не превышал сорока — сорока пяти лет, полностью лысый, а одет он был в строгий костюм-тройку абсолютно белого цвета. Робу показался необычным такой выбор цветовой палитры для костюма. Что-то подобное он видел в одном старом фильме, события которого разворачивались в дореволюционной России и в котором подобным образом был одет главный герой — какой-то самодовольный барин. Для того времени и жизненного уклада в целом это было уместно, но сейчас настолько вычурно даже на праздники редко одеваются и уж тем более никогда — для похода в бар.

Кроме странного выбора стиля в одежде, что-то было в этом человеку неестественное, трудноуловимое с первого взгляда, как если бы на картине Моны Лизы Да Винчи нарисовали

совал ей французский маникюр и заросшие дырки от пирсинга на брови. Но Роб решил, что такой эффект произвели выпитый бокал пива на пару с приглушенным светом, и не стал продолжать выискивать странности во внешности соседа по стойке.

— Угостить тебя пивом? — подмигнув по-приятельски, спросил у Роба лысый.

— Спасибо, конечно, но это лишнее, — не отрывая взгляда от бокала и с еще менее искренней улыбкой, чем в первый раз, ответил Роб, а после с надеждой подумал: *«Еще пару фраз с подобной заинтересованностью — и, может, он уйдет?»*

— Да ладно тебе, давай выпьем? У меня хорошее настроение, и я хочу им с кем-нибудь поделиться, — не успокаивался незнакомец. — А глядя на тебя, очевидно, что судьба велит мне поделиться именно с тобой.

То чувство душевного равновесия, которое сначала было беспощадно разодрано в клочья острыми когтями обстоятельств, воплотившихся для Роба в виде человеческого хамства и скверной погоды, а после по крупницам восстановленное такой, казалось бы, прочной субстанцией, состоящей из пива и тихого уединения, вновь начало трещать по заштопанным ранее швам.

— Я понятия не имею, что у вас случилось, да и, если честно, не особо горю желанием это выяснять, — сказал Роб, решив отвечать более грубо, чтобы сосед скорее все понял и

оставил его в покое. — К тому же не имею привычки пить за счет людей, которых вижу первый раз в жизни.

— Что ж, это легко поправить, — все с той же приветливой улыбкой ответил мужчина. — Меня зовут Геннадий Альбертович Зыбин, но друзья обычно зовут Газ, по инициалам в общем.

Роб удивленно, но все так же с раздражением приподнял одну бровь.

— Вы серьезно? Удивительное совпадение, моего отца звали точно так же, — ухмыльнулся он.

— Ну так это же замечательно, — ответил Геннадий. — Может, это знак, а?

— Если это и знак, то вы должны в ближайшее время отсюда исчезнуть, как, собственно, и сделал этот... — Роб резко осекся и не стал заканчивать предложение.

Все последующие неловкие секунды молчания он с усилием отвешивал себе моральные подзатыльники за то, что позволил себе вступить в диалог и тем самым скатился с верхних ступеней лестницы, ведущей к окончанию беседы, почти к самому ее подножию.

«Надо же, я не вспоминал об этом уроде уже четыре года», — подумал Роб.

Последний раз был на похоронах мамы. В тот день он окончательно решил для себя, что именно отец виноват в ее смерти. Всю свою жизнь, с самого детства, Роб слушал рассказы матери о том, как она сильно любила этого человека,

как была счастлива с ним и что так и не смогла понять, почему он ее бросил, хотя ей казалось, что их свела сама судьба и что никто и никогда не сможет их разлучить. А после подобных разговоров по ночам из ее комнаты доносился тихий плач.

Она много и подолгу болела, и каждый раз ее беспокоило что-то новое, словно ее собственное тело было настроено против нее. Она могла месяцами находиться в подобном угнетенном состоянии, теряя желание не только заниматься делами, но и жить в целом. Впрочем, иногда она все же начинала чувствовать себя хорошо. Для их маленькой семьи дни, когда она была здоровой, хоть и на непродолжительный срок, становились настоящим праздником с походами в парк, кино или на аттракционы. А по вечерам, когда они возвращались домой, мама готовила ужин — и каждый раз что-то новое, по ее собственному рецепту. Они до ночи сидели за столом, наслаждаясь вкуснейшей едой, и болтали на самые разные темы, начиная от космических путешествий или самой быстрой машины в мире, заканчивая подсчетом лапок у сороконожек. Ну а самым приятным и долгожданным моментом было, когда она под конец ужина разливала по кружкам горячий чай и доставала заранее спрятанный торт с кремовой прослойкой, политый слоем шоколада. Как же Роб любил такие дни!

Только сейчас он начал подозревать, что на самом деле она никогда не выздоравливала, а лишь собиралась с послед-

ними силами и заставляла себя выглядеть счастливой, чтобы подарить сыну хоть сколько-нибудь счастливых детских воспоминаний. Конечно, она много раз обращалась за помощью в медицинские учреждения различных направлений, сдавала анализы и проходила десятки безрезультатных обследований, после которых врачи только разводили руками и советовали лечить нервы, выписывая успокоительные и курсы релаксации, но, к сожалению, ничего из этого не могло ей помочь. Рана, нанесенная тогда отцом, с каждым днем становилась только больше, и Роб был уверен, что в конечном итоге она просто сдалась своему горю, терзавшему ее всю жизнь.

Однажды на свой день рождения, когда Робу уже было шестнадцать, она немного перебрала с шампанским и сквозь слезы рассказала, что если бы не его появление на свет, то ее бы уже давно не было в живых. По ее словам, через несколько дней после того, как отец ее бросил, она решила покончить с собой при помощи таблеток. План был максимально прост, безболезнен, и он почти удался, но, когда она уже лежала на полу, чтобы встретить смерть, произошло событие, изменившее ее жизнь: ее стошнило. Все эти маленькие круглые штучки, что она съела до этого, лежали перед ней и будто издевались, не давая ей избавиться от горя. Немного позже, уже сидя в гостиной, сделав некоторые подсчеты в календаре и проанализировав реакцию организма, она поняла, что беременна, а отправлять на тот свет вторую душу она не хотела.

— Однако ж вы не представились, — сказал человек, повернувшись через некоторое время к Робу.

— Роберт Геннадьевич Амарян, родился пятнадцатого ноль седьмого восемьдесят девятого, — нарочито официально представился Роб.

— Ну вот, теперь мы знакомы, и ты можешь спокойно со мной выпить.

Спустя еще тридцать минут и два бокала пива Роб немного воспрял духом. Как оказалось, его соседу не требовалось, чтобы ему отвечали. Он прекрасно себя чувствовал, без остановки рассказывая про свою жизнь, глядя куда-то сквозь стену, обклеенную этикетками от разливных напитков. Даже когда Роб вставил один наушник в ухо и снова уткнулся в телефон, Геннадий никак на это не отреагировал. В данный момент этот персонаж в части взаимодействия с окружающим миром больше походил на радио, нежели на человека, а пиво, которое он по инерции заказывал на двоих, прибавляло ему чести.

Для Роба было удивительно, как человек с подобной массой легко хмелел от обычного пятипроцентного пива. На исходе второго бокала он уже подробно рассказывал интимные подробности личной жизни с женой, о детских психологических травмах и работе.

— О, брат, эта штука изменит мир! — говорил Геннадий, икая в конце каждого предложения и зачем-то поднимая указательный палец вверх. — Только тсс, никому! Ина-

че сухарей не напасешься, как мой двоюродный брат, дебил, каких мало. Представляешь? Сидит за бутылку водки! — ухмыльнувшись и снова икнув, продолжал он. — А жена моя, ты не поверишь... Эх, продам и разбогатею на этой хреновине, только не проболтайся, говорю, это тебе не то самое...

И хотя Роб не прислушивался к монологу подвыпившего болтуна — во-первых, из-за простого отсутствия желания это делать, а во-вторых, из-за сумбурности и непоследовательности мыслей рассказчика, — все же некоторые фрагменты из его рассказа довольно отчетливо откладывались в сознании, особенно когда они касались сферы деятельности Геннадия.

С большим трудом собрав в голове раскиданные по смысловой нагрузке фразы этого болтливового субъекта в единую мысль, Роб выяснил, что тот работает в крупной фармацевтической лаборатории и сейчас их фирма создала уникальный препарат, который по сути своей является мощным вирусом, но с помощью его производных можно легко находить лекарство от многих болезней.

Из-за хаотичности повествования к Робу не сразу пришло осознание связанности услышанного и его личных кошмаров. С подобным ощущением он столкнулся впервые, и ничего подобного до сих пор не испытывал. К провалам в памяти он уже понемногу стал привыкать, а эффект дежавю даже и рядом не стоял.

«Может, это дурацкий розыгрыш? Но как это возмож-

но, да и кому это нужно? Это имело бы логичное объяснение, если бы я кому-то рассказывал про свои кошмары, но такого не было. Какие еще могут быть варианты? Вещий сон? У него открылся дар предвидения? Никогда не верил в чужь про экстрасенсов и гадалок, но пока это выглядит логичнее прочего».

Главная фраза, после которой он, не подавая вида, переключил все свое внимание на собеседника, была о том, что сегодня Геннадий выкрал из лаборатории одну капсулу с этим секретным препаратом и собирается выгодно продать его конкурирующей компании. Именно по этой причине он так солидно, в его понимании, оделся, а в бар зашел, чтобы успокоить нервы перед важной сделкой.

Роб много раз в жизни сталкивался с ситуациями, когда обстоятельства выглядят угрожающе и даже смертельно опасно, но поверить в подлинность происходящего тяжело. Вот и сейчас было точно так. С одной стороны, его сосед, скорее всего, перебрал лишнего и начал придумывать небылицы. С другой — если это правда, то что делать? Звонить в полицию? И что говорить? Что пьяный человек рассказывает о наличии у него опасного вируса? Шансы, что в это поверят, равны нулю. Поверить и проигнорировать? А потом провести жизнь в ожидании ужасных последствий? Эту дилемму сложно решить в трезвом уме, а уж под алкоголем задача становится непосильной. Был один факт, который сильно насторожил Роба и заставлял поверить в правдивость услышанно-

го, — металлический кейс, который Геннадий принес с собой. Судя по фильмам, именно в таких чемоданах и переносят всякие опасные жидкости из лабораторий.

Через некоторое время организм Роба, не способный больше сдерживать накопленный объем халявного пива, в ультимативной форме заставил его отлучиться в уборную и ненадолго забыть про странного мужчину и его истории. На самом деле для Роба поход в местный туалет был еще одним приятным событием, помимо общего благоприятного впечатления от заведения. Дело в том, что стены и потолки кабинок в этом баре были увешаны огромными зеркалами, которые в сочетании с хмелем, гуляющим по извилинам сознания, создавали ощущение пребывания на границе параллельных миров с бесконечным количеством версий самого Роба. Иногда он мог там задержаться минут на тридцать, разговаривая со своими двойниками из других реальностей, и порой складывалось впечатление, что они ему отвечают. Каждый раз после подобных бесед с самим собой у него возникало чувство моральной возвышенности над всем человечеством, как будто он смог открыть нечто недостижимое для прочих людей, что доступно только ему.

И теперь вновь, находясь далеко от своего брэнного физического тела, в полном ментальном единении с самим собой, воплощенном в бесконечном цикле отражения света, к нему пришло тревожное осознание о забытом на барной стойке телефоне. Выскочив из кабинки и вытерев наскоро

руки бумажным полотенцем, он быстро двинулся обратно, задевая все на своем пути. Он переживал, что новый знакомый, находясь в затуманенном рассудке, возьмет телефон себе и удалится из заведения, оставив Роба не только без средства связи, но даже без возможности расплатиться и доехать домой, ведь проездной билет и банковская карта были в крышке чехла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.